

национальная культура в политическом измерении

Александр ЛОКШИН

ИДИШ В НОВОМ ЕВРЕЙСКОМ ИШУВЕ В ПАЛЕСТИНЕ И ИЗРАИЛЕ

DOI: 10.31696/2542-1530-2022-6-80-111

В статье рассматривается положение и статус идиша – языка европейских евреев Палестине в конце XIX до середины XX столетия и в государстве Израиль со времени его создания в 1948 г. вплоть до наших дней. Представлены различные гипотезы о времени, месте, причинах возникновения, основных этапах истории идиша и богатого культурного наследия на нем. Анализируется динамика общественных настроений по отношению к этому языку в еврейской диаспоре и Израиле, языковая политика израильских властей за последние десятилетия. В статье представлены некоторые оценки, данные в современных отечественных и зарубежных исследованиях, учитываются свидетельства ряда израильских авторов и активистов в деле сохранения и развития культуры этого языка. В Государстве Израиль вплоть массовой эмиграции евреев из Советского Союза идиш не встречал поддержки со стороны сионистского руководства, а культурные запросы на него игнорировались. Новая волна иммигрантов повлияла на израильское общество и способствовала созданию различных институций в стране, выступавших за изучение, сохранение и развитие идиша и культуры на этом языке. Несмотря на сокращения численности носителей идиша, этот язык и по сей день остается языком общения для многих сотен тысяч ортодоксальных евреев в Израиле, его изучают и им интересуются тысячи молодых людей, как в Израиле, так и в диаспоре. Произошло повышение статуса идиша. Из vernacular, т. е. разговорного языка, не обладавшего высоким престижем, который не только не ценился, но и не осознавался как отдельный язык, идиш превратился в объект рефлексии и почитания и даже в предмет национальной гордости.

Ключевые слова: идиш, иврит, Израиль, Советский Союз, языковая политика, еврейская диаспора, еврейская община в Палестине, эмиграция советских евреев в Израиль, литература на идиш, хасидизм, иудаизм.

Из истории языка идиш и литературы на нем

Самоназвание языка – «идиш» переводится как «еврейский язык». Он относится к германской группе индоевропейских языков. Идиш использует ивритскую графику. Для еврейской диаспоры характерно не только этнографическое, но и языковое разнообразие. В древности евреи, вынужденные мигрировать в другой регион, как правило, переходили на языки окружающего населения (арамейский, греческий, персидский и другие). Однако в некоторых случаях, они создавали свой вариант разговорного языка (еврейский арамейский, еврейский греческий). Этот процесс продолжился в эпоху Средневековья, когда подавляющее число евреев оказалось в диаспоре. Новые языки являлись вариантами языков местного населения. Это отражено в самих названиях многих из них: еврейско-арабский, еврейско-берберский, еврейско-персидский, еврейско-таджикский, еврейско-греческий, еврейско-французский, еврейско-итальянский и другие. Таких языков современные исследователи насчитывают порядка тридцати [Полян 2018, 176]. Они возникли почти во всех общинах еврейского рассеяния.

Однако в Новое и Новейшее время в результате гибели той или иной общины или культурной ассимиляции, многие из этих языков были утрачены. Причем, в роли ассимиляторов могли выступать как нееврейские соседи (носители немецкого, французского, итальянского, польского, русского, арабского и других языков), так и другие еврейские общины. Еще в средневековье несколько еврейских общин, утратив свои языки (еврейско-французский, еврейско-провансальский), перешли на идиш. В Новое время ряд еврейских общин Османской империи также утратили свой исторический язык – еврейско-греческий и перешли на ладино. Далеко не последнюю роль в уменьшении численности носителей

еврейских диаспоральных языков сыграла и языковая политика сионистского руководства в Израиле. В настоящее время насчитывается около десятка еврейских языков: идиш, джудезмо (ладино, еврейско-испанский), еврейско-арабский (группы диалектов: еврейско-марокканский, еврейско-йеменский), джухури (горско-татский, язык горских евреев), бухори (еврейско-таджикский, язык бухарских евреев), ряд еврейских этно-диалектов (фарси, караимский) и другие.

Иногда по каким-то причинам евреи пользовались и пользуются вариантом языка окружающего населения. Такими вариантами принято считать язык грузинских евреев, обычно его характеризуют как диалект грузинского языка, а в ряде источников называют жаргоном торговцев-евреев в Грузии (самоназвание «киврули»); языки эфиопских евреев (еврейские варианты амхарского и тигринья); язык *бней Израэль* (евреев северной Индии) – вариант языка маратхи; языки кочинских евреев (южная Индия) – малаям и телугу. Почти все еврейские языки пользуются ивритской графикой, в лексиконе этих языков имеется пласт гебраизмов. Так, в идише до 20 % заимствований из библейского иврита.

Дискуссионным в историографии российского еврейства является вопрос о наличии у евреев Древней Руси своего славянского языка. Российский востоковед Авраам Гаркави (1835–1919) собрал 60 глосс – славянских слов, которые были записаны в текстах XIII–XVII вв. на иврите, а также на польских и чешских монетах XIII–XIV вв., которые чеканили евреи [Гаркави 1865]. Остается открытым и вопрос, насколько были связаны евреи, жившие в Киевской Руси, с говорившими на идише евреями, что стали подданными Российской империи после разделов Польши во второй половине XVIII в. Если согласиться с мнением Гаркави, а за ним и историка профессора Санкт-Петербургского университета Сергея Бершадского (1850–1896), утверждавшего, что евреи Великого княжества Литовского в XVI в. говорили между собой на русском языке [Бершадский 1883], то неясно, когда и при каких обстоятельствах еврейское население перешло на идиш.

Попытаемся ответить на вопрос, как возник и развивался идиш – язык евреев Центральной и Восточной Европы. До 1980-х гг. языковеды и этнологи отождествляли место и время возникновения идиша с местом и временем формирования ашкеназских, то есть европейских евреев как этнографической общности в юго-западной Германии, в треугольнике городов Вормс – Шпайер – Майнц [Weinreich, 2008] и определяли время появления этого языка X в. Ранняя датировка повышала престиж языка. Утверждалось, что идиш сформировался не позднее, чем остальные европейские языки. Со временем, этот вывод был оспорен. Ныне в качестве географического ареала возникновения идиша рассматривается Бавария, Южная Германия и Австрия [Katz 1993, 46–87].

Самый ранний письменный документ на этом языке – страница со стихотворением из вормского Махзора (молитвенника), который относится к 1272 г. Около 1250 г. евреи из Северной Франции и Северной Италии проникли в Лотарингию, где, по-видимому, столкнулись с несколькими диалектными вариантами немецкого языка. Для письменной передачи разговорного языка использовали еврейский алфавит. В последующий период – с середины XIII до начала XVI в. – евреи в юго-восточных немецких землях, в Богемии, а затем и в Польше вступили в контакт со славянами и евреями, говорившими на славянских языках. В общинах, что возникли на новых землях, идиш стал общепринятым языком. В ту эпоху сложился сравнительно однородный литературный идиш. До нас дошли фрагменты из частной переписки, записей свидетельских показаний, сатирические куплеты. Появляются книги (первая вышла в Венеции в 1590 г.), посвященные еврейским обычаям, правилам поведения, порядку совершения синагогальной службы, праздничным церемониям и религиозным обрядам. Примерно с XVI по начало XVIII в. происходила миграция, говоривших на идише потомков евреев – выходцев из Германии – ашкеназов, за пределы немецких земель, главным образом на территорию современной Польши.

Памятниками литературы на идише той эпохи являются прозаические и поэтические сочинения. Наиболее известное произведение – книга для женщин «Цеена у-реена» (буквально: «пойдите и посмотрите»). Первое из дошедших до нас изданий, вышло в 1622 г. Ее составителем был раввин Яков Ашкенази из Янова (Богемия). Книга названа по стиху из «Песни Песней»: «Пойдите и посмотрите, дочери Иерусалимские». Она представляет собой переложение историй из Торы, отрывков из Пророков (Невиим), книг, читаемых по субботам, праздникам и в дни поста в синагоге, а также отрывков некоторых талмудических и средневековых преданий о разрушении Первого и Второго Храмов. Но самый ранний образец в художественной литературе на идише, датируется 1382 г. Это сборник переводов с иврита «Мишлей шуалим» («Басни о лисах»), который напечатан во Фрайбурге в 1583 г. Весьма распространенными были исторические песни и историографические сочинения. Около 40 сохранившихся из этих песен представляют собой лишь остатки поэтического жанра, весьма распространенного в то время. Самой ранней из них является «Мегилес Винц» («Свиток о Винце») Элханана Хелна. В этом сочинении описывается изгнание евреев в 1612 г. и последующее возвращение во Франкуфурт-на-Майне в 1616. В измененной форме жанр исторической песни жил в Восточной Европе вплоть до Второй мировой войны. Его остатки были сохранены выжившими в гетто и концлагерях.

Яркое описание жизни евреев в Западной Европе в конце XVII–начале XVIII в. содержится и в воспоминаниях, написанных на средневековом идише дочерью старосты гамбургской еврейской общины Глюкель из города Гамельн [Глюкель фон Гамельн 2001]. Это первые воспоминания, написанные еврейской женщиной в Новое время.

Идиш образовался как сплав компонентов разных языков и со временем стал выполнять широкий спектр коммуникативных функций. Этот язык – одно из ярких свидетельств особенностей еврейской культуры. Идиш являлся, прежде всего, средством устного общения евреев, живших во многих европейских странах от Голландии до Украины, как и в

ашкеназских общинах в Италии, на Балканах и Палестине. Наряду с ивритом, идиш стал важным средством литературного и письменного общения. Однако в начавшуюся после Великой Французской революции эпоху эмансипации у части еврейского населения в Центральной Европе наметилось стремление к переходу на языки народов, среди которых они жили. Еврейские просветители воспринимали идиш как «язык гетто» и описывали его как мешанину из самых различных языков – немецкого, иврита, русского и польского [Levinsohn 1828]. Идеологи еврейского Просвещения в Германии выступали за вытеснение идиша как «испорченного немецкого», некрасивого, неправильного и компилятивного языка из всех сфер коммуникации и замену языком титульной культуры – немецким, французским и другими.

Однако в Восточной Европе одним из защитных барьеров для идиша стало массовое мистическое религиозное движение – хасидизм. Наряду с ивритом, хасидизм обращался к идишу для создания текстов священных книг. В странах Восточной Европы еврейское Просвещение получило распространение позже, чем в Пруссии, и его идеи опирались на идеологию романтизма и национализма. Идиш воспринимался как разговорный язык народных масс. Просветители обратились к идишу и как языку литературного творчества. Волны эмиграции из Восточной Европы в конце XIX – начале XX в. привели к широкому распространению идиша в Северной Америке и ряде стран Латинской Америки, а также к возникновению еврейской общины в Южной Африке. Развитие системы светского образования, прессы, театра и исследовательских институтов привело к использованию идиша во множестве функций. Из вернакуляра, разговорного языка, в язык литературный, идиш превратился, прежде всего, благодаря возникновению и развитию художественной литературы на этом языке. Творчество трех классиков – Менделе Мойхер-Сфорима (1835–1917), Шолом-Алейхема (1859–1916) и Иццока-Лейбуша Переца (1852–1915), живших и творивших в России – создало литературу мирового значения. Язык Менделе Мойхер-Сфорима, соединивший два

основных диалекта разговорного языка – северный и южный – заложил основу литературного языка новой литературы на идише. Талант Шолом-Алейхема проявился, прежде всего, в произведениях, написанных в форме прямой речи: в монологах, письмах и рассказах. Шолом-Алейхем и поныне остается одним из самых популярных авторов на идише, читаемым как в оригинале, так и в переводах. Жанровое разнообразие творчества И.-Л. Переца и его особое положение на стыке нескольких литературных течений – реализма, неоромантизма и раннего модернизма, как и его интерес к радикальным социальным идеологиям – отражали сложный идейный и литературный контекст, в котором на рубеже столетий развивалась литература на идише. Однако и в то время идиш сохранял низкий статус, хотя количество письменных произведений на нем было уже велико. На идише развивалась профессиональная литература, печать и театр. Тем не менее, до начала XX в. даже те авторы, что писали на идише, нередко именовали его не иначе как «жаргон».

В Советском Союзе идиш обрел иной статус и был объявлен официальным языком в Еврейской автономной области РСФСР, Белоруссии, наряду с белорусским, польским и русским, в некоторых районах Украины и Крыма. В целом ряде регионов со значительным еврейским населением на идише происходили заседания в суде, применялся он и в органах власти на местах. Советская еврейская культура создавалась на идише, иврит был объявлен языком клериков и сионистов и подвергся гонениям и запрету. По инициативе и поддержке государства в конце 1920-х гг. осуществлена реформа идиша. В результате отменен способ написания слов, происходящих из иврита и арамейского, отменены и принятые в иврите конечные формы букв. Реформа упростила и унифицировала правописание. Советский вариант идиша имел антирелигиозный и антисионистский характер, создавал барьер между советским и зарубежными вариантами языка.

Время расцвета идиша и культуры на нем пришлось на период между двумя мировыми войнами (1918–1939).

Варшава, Вильно (Вильнюс), Минск, Киев, Москва и Нью-Йорк, а также Тель-Авив – крупнейшие центры еврейской культуры на идише. В этих и других городах на идише создавали произведения писатели и поэты, работали театры, выходили многочисленные разнообразные периодические издания, существовала сеть образовательных и иных культурных институтов. В 1925 г. в Вильно был основан ИВО – «Идише висеншафтлехе организацие» (Идишская научная организация), вскоре переименованная в «Идишер висеншафтлехер институт», осуществляющий и по сей день исследования языка идиш, литературы и фольклора на нем, а также еврейской истории и культуры. Во время Второй мировой войны в 1940 г. его филиал в Нью-Йорке взял на себя функции центрального отделения. Часть библиотеки ИВО в Вильно, содержащей более 100 тыс. томов и огромное количество архивных материалов, была уничтожена нацистами. Остатки библиотеки, вывезенные в Германию, были возвращены в нью-йоркский центр ИВО после войны. Туда же поступило около пяти тысяч архивных документов и редких книг, спасенных узниками Виленского гетто.

Значение и роль идиша в жизни еврейского народа обсуждались на конференции в Черновцах в 1908 г. В ней приняли участие 70 еврейских делегатов из ряда стран самых различных политических убеждений – от сионистов-гебраистов, решительных сторонников иврита, до бундовцев – апологетов идиша. Выявились резкие разногласия между участниками конференции. Вопрос о месте иврита и идиша отражал различные идеологические позиции участников конференции. Противники сионизма – левые социалистические группы считали сионизм буржуазным движением, а иврит – языком небольшой группы еврейских интеллектуалов. Позже эта оценка была принята и партией «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») в Палестине. Многие участники конференции считали иврит единственным национальным языком евреев, а идиш – языком галута, изгнания, диаспоры, от которого необходимо отказаться. Другие же были убеждены, что именно идиш является живым языком еврейского

народа, а иврит – устаревшим языком, функционирующим только в сфере религии. После долгих и бурных дебатов была принята резолюция, в которой идиш провозглашался «одним из национальных языков» [Черновицкая конференция... 1999, 9, 1172–1174]. Эта формулировка позволила поддержать резолюцию всеми участниками конференции. Конференция подняла престиж идиша. В 1928 г. в том же городе состоялась вторая конференция, на которой также обсуждались вопросы по сохранению и развитию национальной культуры на этом языке.

Накануне Второй мировой войны идиш, по разным оценкам, являлся языком повседневного общения примерно для 11–13 млн человек [Jacobs 2004, 3]. В результате Холокоста – уничтожения немецкими нацистами и их пособниками шести миллионов евреев, погибло большинство носителей этого языка. На резкое сокращение численности лиц, для которых идиш являлся языком повседневного общения, сказался и массовый переход евреев, особенно во второй половине XX в. на другие языки.

Эмигрировавший в США из Польши в 1935 г. писатель Ицхак Башевис-Зингер (1904–1991) – единственный автор, писавший на идише, удостоенный в 1978 г. Нобелевской премии по литературе, в своей Нобелевской лекции сказал: «Этот язык равно презираем как неевреями, так и эмансипированными евреями... Идиш еще не сказал своего последнего слова... Это язык мучеников и святых, мечтателей и каббалистов. Язык, полный юмора. Язык, который многое помнит – то, что человечество никогда не сможет забыть» [Башевис-Зингер 2002, 6–10].

Идиш в старом и новом ишуве

Большинство жителей нового ишува – еврейской общины в Палестине, за весь период ее существования (с начала 1880-х вплоть до 1940-х гг.), оставались естественными носителями идиша и продолжали говорить на этом языке. В то время ишув еще не был способен полноценно функционировать, используя один лишь иврит, его жители не заговорили

в одночасье на иврите. В старом ишuve жили в основном глубоко религиозные евреи, в массе своей они разговаривали на идише. Обитатели старого ишuve, разительно отличались от того образа независимого и инициативного еврейского сообщества, которое стремились создать сионисты. Отвержение идиша ранними сионистами было настолько тотальным, что на каком-то этапе они готовы были предпочесть ему не только иврит и связанный с ним комплекс культурных представлений, но и арабскую культуру. Под влиянием романтических европейских ориенталистских представлений пионеры-поселенцы (халуцим) рассматривали ряд элементов арабской культуры (одежду, пищу, отдельные обычаи) как диаметрально противоположные еврейской диаспоральной жизни и, следовательно, подходящие для «внедрения» в среде «новых евреев». В связи с тем, что сионистская идеология отрицательно относилась к использованию в иврите фраз и слов из других еврейских языков, выражения на идише «прикидывались» иностранными.

К 1914 г. иврит был объявлен языком преподавания в еврейских учебных заведениях в Палестине – в Стране Израиля, Эрец-Исраэль. В 1923 г. британские мандатные власти назвали иврит одним из официальных языков Палестины, наряду с английским и арабским.

Для лидеров и идеологов нового ишuve существование альтернативной культуры или даже субкультуры со своим языком было неприемлемо. Идиш отвергался не только как язык изгнания – галута, но и как язык старого ишuve, с которым пионеры-халуцим не желали иметь ничего общего. Сионистский императив состоял, среди прочего, и в том, что прибывшим в Палестину новым поселенцам необходимо полностью отказаться от всего, что было связано со странами исхода, где на протяжении столетий жили их предки. Сионистские идеологи исходили из того, что в Палестине/Эрец-Исраэль должна быть сформирована новая нация, ничего общего не имевшая с евреями диаспоры – галутными евреями. Идиш же представлялся как «жаргон», связанный с культурой отвергаемого ими изгнания.

Еще одним символом отказа от «галутной тьмы» стала гебраизация фамилий и имен многих из приехавших в Палестину поселенцев. В 1920 г. Аба Шнелер – руководитель группы прибывших из Польши членов организации «Ха шомер ха-цаир» («Юный страж») – потребовал от них взять ивритские имена. Он сам принял имя Аба Хоши. Впоследствии был избран мэром Хайфы. Многие лидеры ишува взяли новые фамилии: Давид Грин стал Давидом Бен-Гурионом, Леви Школьник – Леви Эшколем, Моше Черток – Моше Шаретом, Шнеур Залман Рубашов сменил свою фамилию на Шазар (аббревиатуру его имени и фамилии). Ицхак Шимшилевич, в честь отца принял имя Ицхак Бен-Цви, Обри Ибан стал известен как Аба Эвен, Голда Меерсон стала Голдой Меир, а Шимон Перский – Шимоном Пересом.

О личном и коллективном отказе халуцим от языка диаспоры как важнейшем элементе сионистского «рождения заново», пишет целый ряд американских и израильских исследователей, в том числе Йоэль Хавер [Chaver 2008]. Что же произошло с идишем, с его культурой и носителями этого языка в Палестине? В начале XX в. литература, созданная на этом языке, представлялась ряду еврейских теоретиков некой «территорией» для народа, не имевшего родины. Появилось такое понятие как «идишланд» – особое еврейское отечество. Впервые, этот термин ввел теоретик социалистического автономизма и убежденный идишист Хаим Житловский. Он писал, что духовно-национальный дом – это то место, где «присутствует наш народный язык и где каждое дыхание и каждое слово поддерживают национальное существование нашего народа» [Zhitlovsky 1953, 398]. Однако в Палестине, еврей, чьей «родиной» до тех пор был текст, строили материализованный дом, который идентифицировался только с одним из языков. Выбор иврита как национального языка стал непосредственным результатом избирательного подхода ранних сионистских идеологов к различным периодам истории еврейского народа. Додиаспоральное существование, период до изгнания оказались окружены ореолом романтизма. Древность стала источником легитимизации и предметом

восхищения. Язык Библии воспринимался как часть эпохи чистых помыслов и целей, культура же «идишланда» подверглась решительной переоценке. Одним радикальным ударом она была лишена того места, которое занимала. Официальная установка на «забывание» идиша была настолько тотальной, что даже сам длительный конфликт между ивритом и идишем оказался вытесненным из коллективной памяти. Избирательная реконструкция сионизмом прошлого требовала признания иврита, в качестве единственного языка будущей новой общины. Но иврит, как замечает Хавер, был лишь только одной частью тысячелетней старой культуры и не единственным языком, на котором говорили жители Иудеи до изгнания [Chaver 2008, 12]. Сама Библия дает один из самых ранних примеров билингвизма (иврит плюс арамейский). Таким образом, выбор сионизмом иврита как языка еврейского будущего в немалой мере опирался на воображаемое прошлое. Множество заимствований из идиша вошло в современный литературный иврит, а также в ивритский сленг 1940–1950-х гг. Исследователь из Еврейского университета в Иерусалиме Йосеф Гури отмечал, что около пятой части из тысячи идиом разговорного иврита являются кальками с идиша [Guri 1997]. Некоторые выражения и слова – кальки с идиша особенно в период с конца XIX до середины XX в., вошли в современный иврит: «алте захн» – «трепье»; «шнорер» – «попрошайка»; «блинцес» – «блины»; целые выражения: «нэмэн цу харцн» – «лакахат эл халев» – «принимать к сердцу»; «закн а чайник» – «л'кашкеш б'кумкум» – «говорить глупости, пороть чушь». Не исчез идиш и в новом ишуве. На нем продолжали говорить сотни тысяч, идиш оставался языком многих, если не большинства.

Известный израильский историк Шмуэль Эттингер писал, что ключевым событием, приведшего к победе иврита в школьном образовании ишува стал «спор о языках» между сторонниками иврита и немецкого. В 1913 г. немецко-еврейская благотворительная организация «Гильфсферейн» выступила за введение немецкого языка в качестве языка преподавания в технических школах ишува. Это вызвало резкую

негативную реакцию. Большинство учителей отказалось работать в учебных заведениях этой организации. Многие учителя и ученики перешли в новые школы. В связи начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной, открытие политехнического института в Хайфе было отложено. Тем не менее, именно с того времени иврит становится общепризнанным языком преподавания [Эттингер 2001, 468]. Многие столетия иврит и идиш сосуществовали в еврейских общинах Европы, и каждый из них занимал свое место в системе, устоявшейся веками. Однако в подмандатной Палестине (1918–1948) это положение было радикально трансформировано. Иврит был предназначен для повседневного использования, но при этом, он оставался также и языком высокой культуры, а идиш был делегитимизирован.

Идиш, язык тысячелетнего богатейшего национального культурного наследия без какого-либо официального объявления стал аномалией в Государстве Израиль, по крайней мере, в первые десятилетия его существования. Симптоматичны слова одного из лидеров нового ишува и первого премьер-министра страны Давида Бен-Гуриона, что в пропаганде сионисты вынуждены использовать многие языки, но для «нашей культурной работы единственным языком остается иврит» [Chaver 2006, 20]. Такой подход возвращал ситуацию к традиционному разделению на язык высокой культуры (иврит) и утилитарный язык повседневности (идиш). Двойственное положение идиша состояло в том, что это был родной язык, одновременно любимый, но отвергаемый по идеологическим соображениям.

Многие израильские историки обыкновенно игнорируют психологические трудности «врастания» выходцев из Восточной и Центральной Европы в иврит. Не замечают они и существование в Палестине идишской литературы. Между тем, в период второй волны репатриации (1904–1914) литература на идише в ишuve развивалась достаточно бурно. Возможности же тогдашней ивритской словесности были весьма ограничены. Творчество немалого числа литераторов ишува не укладывается в традиционный сионистский нарратив.

Они писали или на идише, или одновременно на идише и на иврите. Живучесть идишской литературы в ишуве можно объяснить и тем, что, в сравнении с ивритской, литература на этом языке отличалась разноплановостью, гибкостью и давала больше возможностей для отображения социальных и идеологических различий в обществе. Это позволяло идишским писателям Палестины создать полифонию, отражавшую гетерогенность ишува того времени. Творчество литераторов демонстрировало различные поколенческие, идеологические и эстетические тенденции. Сочинения Залмана Брохеса (1886–1977) – чьи работы носили в основном несионистский характер, предлагали более сложное и разнообразное видение Палестины, чем книги некоторых его современников, идеализирующих сионистскую идентичность первопоселенцев. Писатель Авром Ривес (1900–1963) также стремился отразить культурное и идеологическое многообразие ишува, его произведения «населены» арабами и христианами. Писала на идише и поэтесса Рикуда Поташ (1906–1965). Более того, ивритская литература не была свободна от идишских влияний. Анализируя построение предложений и фраз у таких израильских классиков как Йосеф-Хаим Бреннер (1881–1921) и ранний Шмуэль Йосеф Агнон (1888–1970), Хавер отмечает определяющее влияние на их творчество языковых структур идиша. Бреннер вообще был одним из немногих публичных деятелей ишува, позволявших себе говорить об идише как о «сионистском языке», «языке наших матерей, который клокочет в наших устах» [Chaver 2008, 41–42]. Хавер не просто возвращает читателю идишскую культуру ишува и вводит в научный оборот, по сути, неизвестные тексты, а прочерчивает непрерывную линию, предлагает альтернативный общепринятому, взгляд на историю израильской литературы, выстраивает ее «теневую» версию. Ей удастся показать, что идишская литература была весьма популярна и широко распространена в ишуве. Достаточно сказать, что с 1928 по 1946 г. в Палестине выходили 26 литературных журналов на идише. В конце 1920-х гг. идишская культура в ишуве переживала своеобразный «ренессанс» (в том числе и в

новом «ивритском» городе Тель-Авиве). В 1927 г. число читательских запросов на газеты на иврите и идише в публичной библиотеке Тель-Авива было примерно одинаковым. Отчасти это связано с прибытием иммигрантов четвертой алии в 1924–1928 гг., в основном из Польши, которые широко пользовались идишем и, зачастую, были далеки от сионизма (неслучайно некоторые современники и исследователи обвиняли их в привнесении в палестинскую действительность галутных ценностей).

Тогда же, в 1927 г. ученым советом Еврейского университета в Иерусалиме был одобрен план создания кафедры идиша. В то время реализовать этот проект не удалось: против открытия кафедры выступили влиятельные сионисты (в том числе Менахем Усышкин), а также радикальная организация «Мегиней а-сафа а-иврит» («Бригада защитников иврита»), состоявшая в основном из учащихся гимназии «Герцлия». «Бригада», существовала с 1923 по 1936 г. в основном в Тель-Авиве и Иерусалиме, и в общественном мнении она связывалась с правыми сионистами-ревизионистами. Ее деятельность была направлена, главным образом, против использования идиша. Английский язык не вызывал у членов «Бригады» какой-либо негативной реакции. В связи с предполагаемым открытием кафедры были выпущены плакаты в траурных рамках: «Кафедра жаргона – уничтожение Ивритского университета» и «Кафедра жаргона – идол в Ивритском Храме». Еврейский университет во многих тогдашних публикациях и выступлениях сравнивался с Храмом, и юные светские ревнители иврита писали об идише как о «целем ба-хейхал» – языческом идоле в Храме, то есть осквернении. Идиш демонизировался как чужой незаконный «жаргон», угрожающий единству и представляющий опасность, для новой ивритской нации, символом которой являлся университет – ее «храм». И только в 1951 г. после уничтожения еврейской культуры в результате Холокоста и политики государственного антисемитизма в СССР, а также после создания Государства Израиль, когда идиш уже более не представлял опасности для иврита, кафедра идиша, наконец, была открыта. Ее

создание знаменовало начало легитимизации идиша в израильской культуре. Профессор Дов Садан, выступая на открытии кафедры, говорил, что идиш помог сохранить иврит. Он использовал здесь дефиницию идиша, сделанную классиком ивритской литературы Хаимом Нахманом Бяликом еще в 1930 г. Впрочем, даже здесь идиш низводился к статусу второстепенного культурного явления, существующего на службе у иврита. Очевидной становилась иерархия двух языков: иврит являлся господином, а идиш – слугой.

Однако роль идиша в жизни ишува явно выходила за пределы функции сохранения возрожденного иврита. Дов Садан в 1970 г. использовал уже совсем иные термины. Выступая перед еврейской аудиторией в Нью-Йорке о еврейском двуязычии, он описывал идишских писателей ишува как уникальное явление: «Эта особая группа имела важное значение: она открыла новые горизонты и новую землю для литературы на идише – Землю Израиля, не как ностальгию по детству или туристическую тему, а как осязаемый каждодневный опыт развития и борьбы ишува» [Sadan 1972, 425].

Идиш в Государстве Израиль

Часть евреев, что выжили в Катастрофе, нашли свой дом в Государстве Израиль. Но этого нельзя сказать об идише, который оставался для многих языком повседневного общения. О нем ничего не говорилось в Законе о возвращении, принятом Кнессетом в 1950 г., провозгласившим право каждого еврея репатриироваться в Государство Израиль¹. Прибывшие евреи, нередко стеснялись говорить на родном языке. Повсюду можно было встретить плакаты с призывом: «Еврей, говори на иврите». Лидеры нового государства были против «репатриации» идиша в Израиль. Сионистское руководство, исходило из лозунга: «один народ – один язык». Если бы предпочтение было отдано не ивриту, а одному из языков, на которых говорили другие этнические группы еврейства, то подобный шаг мог быть расценен как дискриминация. В сложных политических и экономических условиях подобное

¹ <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1><http://sud.co.il>

решение не способствовало бы формированию новой нации. В той ситуации иврит становился одним из важных средств консолидации нации, но это достигалось нередко жестокими средствами. Театр на идише имени Гольдфадена, созданный в Тель-Авиве в 1949 г. на частные пожертвования, стал облагаться мэрией города непомерными штрафами. Дело разбиралось в городском суде. Выступивший на нем Бен-Гурион, сказал, что он против того, чтобы это дело доводилось до суда: «Предоставим им немного радости, пусть говорят на своем идише». Однако мэрия Тель-Авива продолжала посылать в театр инспекторов, налагавших высокие штрафы, впрочем, затем те же проверяющие оставались в зрительном зале и с удовольствием смотрели спектакли. Об отношении к идишу в только что созданном государстве, свидетельствует и такой факт. В июле 1948 г. редактор газеты – печатного органа коммунистической партии «Кол ха-ам» Меир Вильнер явился на призывной пункт в Тель-Авиве. На вопрос, какие языки он знает, ответил: иврит, немецкий, польский и идиш. Офицер на призывном пункте заявил, что «идиш – не язык». Вильнер возмутился, но ему возразили, есть приказ верховного командования: «идиш – не язык». Газеты отнеслись к тому случаю без какого-либо удивления, ибо и так все знают, что идишу не может быть места в новом государстве. Шмуэль Микунис, представлявший компартию в предшественнице Кнессета – Законодательном собрании подал запрос главе правительства Бен-Гуриону, на который он ответил, что приказа такого нет, что он разыщет и накажет виновника самоуправства. Однако тогда же Бен-Гурион заметил, что ему гораздо ближе то, что происходило в Палестине две тысячи лет назад, чем в Европе еще совсем недавно. Он назвал идиш «чужим языком, режущим слух». Премьер вопрошал: «Зачем нам этот иностранный язык?»

Была продолжена политика по гебраизации имен. Во время первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. (Война за независимость) в Армии обороны Израиля была создана «Комиссия по ивритским именам», занимавшаяся сменой военнослужащими «иностраннных» имен. Указания выбрать себе имя на иврите были даны дипломатическим

представителям Израиля, высшим офицерам и судьям. Считалось, что практика присвоения иммигрантам новых ивритских имен, способствует их абсорбции. Будущий популярный израильский писатель-юморист Ференц Кишхонт, после иммиграции в 1949 г. получил от сотрудника Еврейского агентства «Сохнут» имя Эфраим Кишон. По его словам, чиновник, заполнявший бумаги спросил, как его зовут, и, услышав ответ «Ференц», заметил: «Эйн давар казе» — «Нет такой вещи в природе», а затем написал в документ «Эфраим», аналогично поступив и с его фамилией. Приехавший в Палестину в 1947 г. писатель Аарон Аппельфельд, получивший при рождении имя Ирвин, вспоминал, что отторжение, неприятие всего того, что было в диаспоре, в том числе и изменение имени, приводило его в бешенство. По еврейской традиции, имена не менялись, а в случае болезни или опасности добавлялись новые. В те годы к смене имен принуждали на государственном уровне.

Двухтысячелетняя история и культура диаспоры отвергалась. Политика «шлилат а галут» («отрицания галута») продолжалась, по крайней мере, вплоть до 1970-х гг. В общественных местах предлагалось говорить на официальном языке — «только на иврите» («рак иврит»). Профессор Еврейского университета в Иерусалиме Вольф Москович в разговоре со мной, заметил, что методы борьбы с идишем были неоправданно жестокими. Издано предписание, запрещающее издавать газеты на идише, и в результате, приходилось чуть ли не каждый день, менять их названия.

Однако в своей недавно изданной книге израильская исследовательница Рахель Рожански не согласна с этим мнением: ее выводы «противоречат заявлениям идишских активистов о якобы намеренной антиидишской политике в Израиле» [Rojanski 2020, 50]. Два десятилетия она интервьюировала многих известных активистов идиша в Израиле, а также и членов их семей. Рожански считает их свидетельства предвзятыми, предпочитая опираться на официальные документы, в которых нет указаний о запрете этого языка [Rojanski 2020, 62]. Руководство Израиля отдавало высший

приоритет ивриту, но по отношению к идишу, считает она, не было определенной политики. Не существовало каких-либо приказов и постановлений о запрете пользоваться идишем. Но, приведенные в ее книге многочисленные документы, свидетельствуют о том, как различные чиновники, правительственные комитеты и общественные комиссии «отменяли» идиш, как власти дискриминировали и ограничивали деятельность идишских театров и прессы, как опускался престиж языка и культуры европейских евреев, как сам идиш подвергался в Израиле гонениям и опасности запрета. Власти Израиля, лидеры государства – ашкеназы, чьим родным языком нередко был идиш, многое делали для того, чтобы понизить статус этого языка. Они опасались, что идиш мешает созданию новой культуры на иврите и формированию новой нации. Рожански справедливо отказывается считать идиш в Израиле культурой меньшинства: носители идиша принадлежали к господствующему в то время большинству и имели все основания рассчитывать в еврейском государстве на уважение к своей идентичности. В свою очередь, сионистское государство строило свою идентичность вокруг иврита. Лидеры ишува в Палестине видели себя защитниками молодой культуры, считали, что ей грозит диаспоральная идишская культура с литературой мирового класса, с активной прессой и общественной жизнью.

В 1950–1960-х гг. в Израиле продолжала работать значительная группа писателей, писавших на идише. Писатель, редактор и публицист Мордхе Цанин (1906–2009) вспоминал: «После Шестидневной войны... я имел беседу с тогдашним премьер-министром Леви Эшколем о необходимости улучшения ситуации с языком идиш как в Израиле, так и в диаспоре, с тем, чтобы эмоционально приблизить диаспору к Израилю, а Израиль к диаспоре... Эшколь искренне любил идиш, ценил культуру на идише как объединяющую еврейский народ в мире. Мои аргументы нашли у него отклик. Он попросил подготовить материал, где я бы изложил важнейшие пункты... Такой материал я ему направил, но письменного ответа на него так и не получил». Во время встречи премьер

сказал писателю: «Поверь мне, Цанин, что я тебе не ответил лишь потому, что мне нечего было ответить. По вопросу языка идиш в стране есть силы влиятельнее меня...». «Когда на пленарном заседании правления Радио Израиля секретарь Академии языка иврит заявил, что движение за идиш “издыхает” и не надо позволять этому языку вновь поднять голову, и при этом никто из пары десятков членов правления на прозвучавший хулиганский выпад не отреагировал, до меня окончательно дошел смысл тех слов Леви Эшколя. Силы разрушения всегда сильнее...» [Цанин 2021].

За последние годы в Израиле, у многих уже родившихся в стране детей и внуков, тех, кто выжил в Холокосте, возродился интерес к языку отцов и дедов. В топонимике Израиля основное место занимают названия, связанные с деятельностью сионистских политических и общественных фигур. Но сейчас положение меняется. Например, в южной части Тель-Авива встречаем целый блок улиц, названных именами деятелей еврейской культуры на идише: популярного писателя Айзика-Меира Дика; народного певца и драматурга Эльякума Цунзера; поэта и композитора, автора песен, ставших народными, Марка Варшавского; основателя профессионального еврейского театра на идиш, драматурга и поэта Авраама Гольдфадена; знаменитой актрисы Эстер-Рохл Каминской; фольклориста и драматурга, автора, пожалуй, самой известной пьесы «Диббук», этнографа и писателя Шимона Ан-ского; вдохновителя молодежи на борьбу с произволом самодержавия, рабочего Гирша Леккерта; историка и общественного деятеля, создателя архива свидетельств о варшавском гетто Иммануэля Рингельблюма и других.

До недавнего времени в Израиле выходил в свет ряд периодических изданий на идише. С 1949 по 1998 г. издавался ежеквартальник «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»). В нем публиковались произведения маститых и молодых авторов из Израиля и других стран, пишущих на идише, обзоры о положении еврейской культуры в различных странах. Журнал считался самым авторитетным в мире литературным периодическим изданием на идише. Все эти годы главным

редактором журнала оставался известный поэт Авром Суцкевер (1913–2010) [Суцкевер 1978, 2015]. Нельзя не назвать и другое издание – «Иерушолаимер альманах», с 1973 г. издававшийся под редакцией поэта Иосифа Керлера, эмигрировавшего из СССР, а после его смерти вплоть до прекращения выхода в 1998 г. – под редакцией его сына, лингвиста и поэта Дов-Бер Керлера. С 1951 по 2014 г. выходил в свет бундовский журнал «Лебнс фрагн» («Вопросы жизни»).

Языковая политика израильских властей не могла не сказаться на сокращении численности носителей идиша. По состоянию на 1991 г., их число составляло около 1,5 млн человек [Полян 2018, 190]. По мнению академического директора Международного центра идиш при Всемирном еврейском конгрессе Мордехая Юшковского, в настоящее время в мире на идише говорят от 1,5 до 2 млн человек. «Идиш, – отметил он в письме ко мне, – это единственная живая память о погибших в Холокосте. Ведь большинство евреев, что были тогда расстреляны и сожжены, думали, говорили и писали на этом языке». Это обстоятельство – немаловажный фактор, который объясняет желание многих молодых людей в Израиле, изучать идиш (мамэ-лошн). На различных курсах, которые проводит Юшковский, ежегодно изучают идиш от 1,5 тыс. до 2 тыс. человек. Идиш не был изгнан из коллективной памяти и не был забыт. С началом большой алии из СССР/СНГ с конца 1980-х годов, совпавшей с пробуждением в израильском обществе интереса к своим корням и культурному наследию диаспоры, язык европейского еврейства получил государственную поддержку. В 1987 г. по инициативе мэра Тель-Авива Шломо Лахата режиссером Шмуэлем Ацмоном был создан театр «Идишпил». Поставлены десятки спектаклей. Большинство зрителей – люди пожилые, многие исполнители – коренные жители страны – сабры. Они сами осваивают идиш. Были поставлены спектакли по мотивам произведений В. Шекспира, Н.В. Гоголя, Шолом-Алейхема, Ицика Мангера, Йошуа Соболя, Ицхака Башевиса-Зингера и других авторов. Титры даются на иврите и русском. Нынешний руководитель театра – режиссер и актер Саси Кэшет.

О заинтересованности части израильской общественности в развитии культуры на идише свидетельствует и заседание в феврале 2007 г. в иерусалимском общинном доме на тему «Особенности культуры языка идиш в Израиле». Оно происходило в основном на русском языке, так как большинство из присутствовавших, идиша не знали. Выступивший на заседании член правления израильского Союза писателей, пишущих на идише, поэт Эли Бейдер напомнил о борьбе руководства ишува с этим языком, в результате Палестину, как утверждал выступавший, были вынуждены покинуть такие известные авторы как классик литературы на идише Давид Гофштейн, расстрелянный в СССР в 1952 г., писательница и поэтесса Шира Горшман, спустя десятилетия вернувшаяся в Израиль.

Инициаторами многих начинаний по поддержке и развитию культуры и языка идиш нередко являются выходцы из Советского Союза. Поэты Велв Чернин, Моше Лемстер, прозаик Борис Сандлер активно печатаются на идише, но сформировались они как литераторы еще в СССР.

Во время последней большой волны эмиграции из бывшего СССР в 1990-х гг. смена исконных имен и фамилий на ивритские происходила достаточно редко. Многие имена иммигрантов для носителей иврита оказываются трудно произносимыми, и при повседневном общении их гебраизируют. Тем не менее, многие репатрианты оставляют свои имена, так как считают их важными для сохранения своей идентичности, своей культуры и своей личности. Массовая алия советского еврейства, как уже отмечалось, вынудила израильские власти изменить отношение к идишу. С целью создания более привлекательного имиджа Израиля для евреев из СССР/СНГ, в 1996 г. на специальном заседании Кнессета были приняты решения, направленные на восстановление позиции идиша в стране. Создано Национальное управление по делам культуры идиш при Министерстве просвещения, культуры и спорта. В его функции вошло курирование клубов на идише в стране, воссоздание Всемирного совета по языку идиш, ведение передач на этом языке на радио,

изучение в школах, поддержка произведений писателей и поэтов и театров на идише. Предусмотрена также финансовая поддержка Союза писателей и журналистов, пишущих на идише. Тем не менее, Иерусалимский клуб идиша, как отмечал Бейдер, ни разу не получил финансовой поддержки со стороны государства. Невзирая на трудности, успешно и плодотворно работают клубы в Тель-Авиве, Беэр-Шеве, Ашкелоне, Реховоте и других городах. При этом, по мнению Бейдера, некоторые клубы, лекторы и артисты щедро оплачиваются, но это узкий круг избранных, а другие, не менее талантливые, не приглашаются. Национальное управление по делам культуры проводит дорогостоящие фестивали, но не в городах, где много носителей идиша, а в отелях у Мертвого моря, где стоимость проживания за 2–3 дня обходится в тысячи шекелей. По мнению Бейдера, Национальное управление со своими обязанностями по поддержке программ сохранения языка не справляется. Радиопрограммы на идише ограничены по времени. Он предложил создать оргкомитет по возрождению культуры на идише в Израиле, включить в него писателей, журналистов, общественных деятелей, депутатов Кнессета, представителей кафедр идиша из университетов, организовать хотя бы часовую ежедневную передачу на идише по радио и на ТВ, и даже обсудить вопрос о проведении демонстраций у Кнессета с требованием предоставить достойный статус идишу. Необходимо, продолжал Бейдер, пересмотреть систему финансирования. При клубах идиша следует создать компьютерные классы и обеспечить доступ большим массам людей, в первую очередь пожилым, к обширной массе информации на идише в интернете. Важно привлечь к этой работе также и молодежь. В свою очередь, поэт и композитор Дмитрий Якиревич, считал, необходимым создать фонд поощрения культуры на идише, ведь то небольшое, что передается по радио и ТВ, по его мнению, это опошление идиша и культуры на нем.

Мелех Зив, известный в официальной иерархии как «идишист номер один», ставший в 1999 г. гендиректором Национального управления по делам культуры на идише,

отметил, что на сегодняшний день в израильской школе статус «родного» имеет либо иврит, либо арабский, а идиш изучается как иностранный¹. Тем не менее, уже сегодня в Израиле можно сдать экзамен по идишу, и оценка по нему войдет в аттестат зрелости.

В феврале 2013 г. на Международной книжной ярмарке, проходившей в Иерусалиме, впервые за 50 лет целый павильон был отведен под книги, изданные на идише. Организатором павильона и проведенного тогда литературно-музыкального вечера в иерусалимском Дворце наций стало Национальное управление. В нем приняли участие не только жители Иерусалима, но и других городов страны, представители различных поколений. Новый руководитель управления – Циля Годров. Важной своей задачей она считает поддержку учителей, музыкантов, певцов, чей заработок связан с деятельностью в области языка идиш. Их по стране около 200 человек, они делают все возможное для сохранения языка. Годров предложила издать этимологический словарь.

На академическом уровне идиш изучается практически во всех университетах. За последние годы важным центром по обучению и изучению этого языка и культуры на нем, стал университет Бар-Илан в Рамат – Гане. Созданную в этом университете в 2020 г. кафедру им. Клары и Ицхака Шнейдерман по исследованию культуры на языке идиш и хасидизма, возглавил выпускник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Дов Бер Котлерман. В этом же университете работает Центр по изучению идиша им. Коста, где язык изучают не менее 150 студентов. Темы ряда магистерских и докторских работ касаются историографии Холокоста в ультрарелигиозной прессе на идише, хасидской тематики в творчестве Ш. Ан-ского, хасидских мелодий в произведениях Переца, идиша хасидов в Венгрии. Проф. Котлерман разработал и читает спецкурсы, посвященные главным образом религиозной литературе на идише. Кафедры идиша в

---

¹ Громан Ш. Мелех Зив – самоотверженный борец за идиш // Новости недели. 2002. 29 августа. URL: <https://www.languages-study.com/yiddish/melexziv.html> (дата обращения 21.01.2022).

Еврейском университете в Иерусалиме, созданной, как отмечалось в этой статье, еще в 1951 г., в настоящее время уже нет, но есть программы по изучению идиша, а также междууниверситетская программа для магистров на базе Еврейского и Тель-Авивского университетов. Во всех остальных университетах идиш изучается в рамках курсов по еврейской литературе и истории.

Проф. Котлерман достаточно критически относится к положению идиша в Израиле, в письме ко мне заметил, что статус этого языка и сейчас считает достаточно неопределенным: вместо того, чтобы сделать его частью общей культуры произошла, считает он, «геттоизация» идиша. По инициативе Котлермана, основателя театра «Идишпил» Шмуэля Ацмона, при поддержке депутатов Кнессета от партии «Ликуд» Тали Плосковой и Узи Даяна, в ноябре 2020 г. было создано парламентское лобби. На презентации было заявлено, что главная задача лобби ориентирована на повышение статуса идиша и поддержку культуры на этом языке, включение идиша в государственные программы в сферах образования и духовного наследия, поддержание тесных контактов с идишскими культурными организациями в Израиле и в странах диаспоры. Возглавила лобби депутат Т. Плоскова¹. Однако добиться поставленных целей не удалось. В нынешнем составе Кнессета это лобби не существует.

Одним из заметных центров современной активности на языке идиш в Тель-Авиве является Дом Лейвика – организация, возникшая в 1970 г. и названная в память поэта Х. Лейвика (1888–1962), жившего в дореволюционной России и США². При Доме были организованы курсы по изучению идиша, работала театральная студия для детей, но сейчас, по словам директора, на это нет необходимых средств: остаются лекции, разговорный клуб в zoom, концерты и издание книг. Работу этой организации в основном финансирует Национальное

¹ В Кнессете создано лобби в поддержку идиша. URL: <https://www.newsru.co.il/israel/06nov2020/idish302.html> (дата обращения 21.01.2022).

² Дом Лейвика. URL: <https://www.leyvik.com/t-en> (дата обращения 22.01.2022).

управление по культуре на идиш. В Израиле успешно действуют и другие подобные центры: Дом Вильна, Дом Волина, Арбетер ринг, Дом Шолом Аша, Дом Шолом-Алейхема. И в каждом из них действуют курсы по изучению языка, музыкальные кружки, выступают артисты и певцы. Руководитель песенной студии имени Нехамы Лифшиц Дома Шолом-Алейхема Регина Друкер в интервью откровенно заявила, что политика Бен-Гуриона, ориентированная на дискриминацию идиша, «отняла у нас душу». На протяжении уже тридцати лет в Ашкелоне ежегодно проходят всеизраильские фестивали хоров на идише, хотя, как отметил музыкант и преподаватель идиша Михаэль Лейнванд, сами исполнители нередко сами не знают идиша. Но он помогает понять содержание и редактирует тексты песен.

В Тель-Авиве с 2019 г. выходит журнал «Идишланд» – единственный в наше время литературный журнал на идише. Его создатели – израильские литераторы Велвл Чернин и Михаэль Фельзенбаум издали первый номер на собственные средства. В дальнейшем журнал получил финансовую помощь от правительства Швеции, где идиш признан языком национального меньшинства и поддерживается на государственном уровне. В июле 2021 г. вышел новый, 11/12-й номер журнала «Идишланд», двумя тиражами (в несколько сот экземпляров) – в Израиле и в Швеции.

Несмотря на уменьшение числа носителей идиша, произошло повышение его статуса. Из вернакуляра, т. е. разговорного языка невысокого статуса, который не только не ценился, но и не осознавался как отдельный язык, идиш превратился в объект рефлексии, почитания и даже в предмет национальной гордости. Многие носители идиша в Израиле, активисты говорят о нем как о красивом языке с богатой литературной традицией, вспоминают родных, которые говорили на нем, жалеют, что число говорящих на нем сокращается.

Можно даже встретить крайнюю степень сакрализации идиша в некоторых хасидских кругах, где именно идиш, а не иврит, принято считать священным языком. В современном Израиле на идише продолжают говорить обитатели

религиозных кварталов Иерусалима и, прежде всего, в Меа Шеарим, в городе Бней Брак, недавно основанном неподалеку от Тель-Авива городе Ел'ад и в городе Бейт-Шемеш. Во всех из них преобладающую часть населения составляют ультра-ортодоксальные евреи. Их дети учатся в религиозных школах на идише, но, как и их родители, они с предубеждениями относятся к светской культуре на этом языке.

Будущее идиша, как отметил в письме ко мне профессор Вольф Москович, определяется тем, передается ли он детям как язык семьи и школы. С этим в светском секторе, по его мнению, совсем неважно, а в религиозном – отлично. Владение идишем среди подрастающего поколения в ортодоксальных семьях связано с религиозной традицией, и богатая светская литература остается невостребованной. Идиш, как написал мне профессор Б. Котлерман, в настоящее время изучают лишь в пяти религиозных школах. Литературу на идише и фольклор в этих школах не изучают. Профессиональный уровень учителей в этих школах, по словам члена правления Союза еврейских (идиш) писателей и журналистов Израиля Д. Якиревича, невысокий. По собственным наблюдениям, могу сказать, что от былого отторжения идиша в Израиле в наше время практически ничего не осталось. К идишу относятся вполне благожелательно, его любят и изучают. И не только в Израиле, а в более чем в 70-и университетах мира. Например, в Японии в университете Киото работает кафедра идиша, изданы хрестоматия литературы на идише, японско-идишский словарь, выходит газета «Der Yapanisher Yid» («Японский еврей»). В Великобритании в Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, где я проходил стажировку, на мой вопрос к переводчику произведений Шолом-Алейхе-ма на японский: «Чем интересны персонажи этого писателя для современного читателя в Вашей стране?», получил ответ: «Они жили в эпоху огромных перемен в России и, прежде всего, этим интересны для наших читателей, которые живут в Японии, где разрушаются традиционные ценности».

Заключение

До начала Второй мировой войны идиш оставался языком общения, по разным оценкам, для 11 до 13 млн человек, живших в Советском Союзе, Центральной и Восточной Европе, Северной и Южной Америке, Палестине, Южной Африке и Австралии. Из 6 млн евреев, погибших в Холокосте, около 5 млн являлись носителями идиша. Катастрофа европейского еврейства в годы Второй мировой войны, а также гонения на еврейскую культуру в Советском Союзе в послевоенный и последующие периоды, ассимиляционные и секулярные процессы в США и европейских странах, языковая политика в Израиле привели к значительному падению численности носителей идиша.

Но интерес к идишу и культуре на нем не угас. В современном Израиле изучать идиш стало модно, на лицо «мини-бум» в этом вопросе. Показательно, что число слушателей в Израиле, посещающих просветительские лекции по литературе на иврите на порядок меньше, чем по литературе на идише. По словам поэта и преподавателя идиша М. Лемстера, для многих его молодых слушателей стремление изучать идиш, есть нечто иное, как ностальгия по своему детству, память о своих родителях, дедушках и бабушках. На вопрос авторов израильского сериала, снятого Международным идиш-центром и названного «Идиш жив?» люди, которые свою идентичность непосредственно связывают с этим языком и культурой на нем, в один голос отвечают: «Жив! И прежде всего, благодаря молодому поколению».

В Государстве Израиль вплоть до большой алии – массовой эмиграции евреев из Советского Союза и стран постсоветского пространства в конце XX – начале XXI в. идиш со стороны истеблишмента не встречал поддержки, запросы на него игнорировались. За последние два десятилетия положение идиша стало меняться. Важную роль сыграли иммигранты из России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, для многих из них идиш – родной язык. Идиш и культура на нем за последние годы получили поддержку на государственном уровне. Еще недавно лингвист Довид Кац писал, что некоторые политические и общественные деятели в Израиле

считали идиш «слишком левым, слишком правым, слишком мертвым» [Katz 2004, 443].

В настоящее время идиш все в меньшей степени можно связывать с каким-либо политическим движением и партией. Идиш и по сей день остается языком общения для многих сотен тысяч ортодоксальных евреев (и прежде всего в хасидских общинах) в Израиле, его изучают и им интересуются тысячи молодых людей. Возникающие время от времени разговоры и утверждения о скором исчезновении этого языка оказываются не соответствующими реальному положению дел и опровергаются самой жизнью.

Признателен профессору Вольфу Московичу (Еврейский университет в Иерусалиме), профессору Беру Котлерману (Университет Бар-Илан), поэту и композитору Дмитрию Якиревичу (Иерусалим), д-ру Мордехаю Юшковскому (Международный идиш центр при Всемирном еврейском конгрессе, магистранту Эстер Зыскиной (Еврейский университет в Иерусалиме) за предоставленную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Башевис-Зингер И. Суббота в Лиссабоне: Рассказы. СПб.: Амфора, 2002. 366 с.

Бершадский С. А. Литовские евреи: история их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388–1569. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1883. 432 с.

Гаркави А. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей: (Из исследований об истории евреев в России). СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. 78 с.

Глюкель фон Гамельн. Рассказ от первого лица. М.: Лехаим, 2001. 223 с.

Полян А.Л. Еврейские языки // Евреи / Отв. ред. Емельяненко Т., Носенко-Штейн Е. М.: Наука, 2018. С. 176–192.

Суцкевер А. Зеленый аквариум. Иерусалим, 1978. 169 с.

Суцкевер А. Там, где ночуют звезды. М.: Текст-Книжники, 2015. 300 с.

Цанин М. Итог разрушительной философии // *Биробиджанер Штерн*. 19, 26 мая. Черновицкая конференция по языку идиш // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин. Еврейский университет в Иерусалиме, 1999 Т. 9 Кол. 1172–1174.

[Шмерук Х.] Идиш литература // Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин. Еврейский университет в Иерусалиме, 1982. Т. 2 Кол. 644–664.

Эттингер Ш. Новое время // История еврейского народа. Иерусалим-М.: Гешарим – Мосты культуры, 2001. С. 308–478.

Chaver Y. What must be forgotten. The survival of Yiddish in Zionist Palestine. Syracuse University Press, 2008. 238 p.

Guri Y.Vi kumt di Kats ibern Vasser? One thousand Yiddish idioms and their equivalent in Hebrew, English and Russian. Jerusalem: Hebrew Univ. Press., 1997. 96 p.

Jacobs N. Yiddish: A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 327 p.

Katz D. The Phonology of Ashkenazic // Hebrew in Ashekenaz. A language in Exile / Ed. Glinert L. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. P. 46–87.

Katz D. Words on Fire: The Unfinished Story of Yiddish. New York: Basic Books, 2004. 446 p.

Levinsohn I.-B. Teudah be-Isra'el. Vilna, 1828. 73 p.

Rojanski R. Yiddish in Israel. A History. Indiana Univ. Press, 2020. 338 p.

Sadan D. Vegn Tsveyshprakhikeyt. Reprinted in Heymishe Ksovim. Tel Aviv: Menorah Farlag. 1972 V. 2 P. 417–427.

Weinreich M. History of Yiddish Language. 2 Vols. New Haven: Yale Univ. Press, 2008.

Zhitlovsky Ch. Tsernovizer Shprach-konferz un Parizer Kultur-kongres. New York: Yidishe Kultur-Farband, 1953 P. 396–410.

REFERENCES

Bashevis Zinger, Issak (2002). *Subbota v Lissabone: Rassksazy* [Saturday in Lisbon. Stories]. Saint-Petersburg, Amfora. 366 p. (Russian Transl.)

Bershadski S.A. (1883). *Litovskie evrei: istoriya ih yuridicheskogo i obshestvennogo polozheniya v Litve ot Vitovta do Lublinskoi Unii. 1388–1569* [The Lithuanian Jews: the history of their juridical and social position in Lithuania from Vitovt until Lublin Union. 1388–1569]. Saint-Petersburg, 432 p. (In Russian)

Chaver Y. (2008). *What must be forgotten. The survival of Yiddish in Zionist Palestine*. Syracuse University Press. 238 p.

Chernovitzkya konferentsiya po yazyku idish (1999). *Kratkya Evreiskya Entsiclopedia* [Concise Jewish Encyclopedia]. Jerusalem: The Society for Research on Jewish Communities and The Hebrew University. Vol. 9. Col. 1172–1174. (In Russian)

Ettinger Sh. (2001). *Novoe Vremya. Istoria evreiskogo naroda* [History of the Jewish people]. Jerusalem-Moscow, Gesharim. Pp. 308–478. (Russian Transl.)

Garkavi A. (1865). *O yazyke evreev, zhivshich v drevnee vremya na Rusi i o slavyanskikh slovah, vstrechaemykh u evreiskikh pisatelei (Iz issledovaniy ob istorii evreev v Rossii)* [About the language of the Jews who lived in ancient times in Russia and about the Slavic words encountered by Jewish writers: (From studies on the history of Jews in Russia)]. Saint-Petersburg, 1865. 78 p. (In Russian)

Gluckel von Hameln (2001). *Ot pervogo litsa* [First person story]. Moscow, Lechaim. 223 p. (Russian Transl.)

Guri Y. (1997). *Vi kumt di Kats ibern Vasser? One thousand Yiddish idioms and their equivalent in Hebrew, English and Russian*. Jerusalem, Hebrew Univ. Press. 96 p.

Jacobs N. (2004). *Yiddish: A Linguistic Introduction*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 327 p.

Katz D. (1993). The Phonology of Ashkenazic. *Hebrew in Ashekenaz: A language in Exile*. Ed. Glinert L. New York, Oxford, Oxford Univ. Press. Pp. 46–87.

Katz D. (2004). *Words on Fire: The Unfinished Story of Yiddish*. New York, Basic Books. 446 p.

Levinsohn I.-B. (1828) *Teudah be-Isra'el*. Vilna. 73 p.

Polyan A. L. (2018). *Evreiskie yazyki. Evrei* [Jews]. Ed. By T. Emel'nenko, E. Nosenko-Shtein. Moscow, Nauka. P. 176–192. (In Russian)

Rojanski R. (2020). *Yiddish in Israel. A History*. Indiana Univ. Press. 338 p.

Sadan D. (1972). *Vegn Tsveyshprakhikeyt*. Reprinted in *Heymische Ksovim*. Tel Aviv, Menorah Farlag. V. 2 P. 417–427.

[Shmeruk H.] (1982) Idish literature. *Kratkya Evreiskya Entsyclopedia* [Concise Jewish Encyclopedia]. Jerusalem: The Society for Research on Jewish Communities and The Hebrew University. Vol. 2. Col. 644–664.

Sutskever A. (1978) *Zelenyi Akvarium* [Green Aquarium]. Jerusalem. 169 p. (Russian Transl.)

Sutskever A. (2015) *Tam, gde nochuut zvezdy* [Where the stars spend the night]. Moscow, Text-Knizhniki. 300 p. (Russian Transl.)

Tzanin M. (2021) Itog razrushitel'noi filosofii [The result of destructive philosophy]. *Birobidzhaner Stern*. 19, 26 May. (Russian Transl.)

Weinreich M. (2008). *History of Yiddish Language*. New Haven: Yale Univ. Press, 2 Vols. 732 p.

Zhitlovsky Ch. (1953). *Tsernovizer Shprach-konferz un Parizer Kultur-kongres*. New York, Yidishe Kultur-Farband, Pp. 396–410.